

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра русского языка

Л.К.Африкантова, Л.В.Терентьева

КОНТРОЛЬНАЯ РАБОТА №1
ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
(фонетика, орфоэпия, графика, орфография)

Издание второе, исправленное и дополненное

Издательство «Самарский университет»
2002

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Самарского государственного университета*

ББК 81.2 р
УДК 414
А 948

Африкантова Л.К., Терентьева Л.В. Контрольная работа № 1 по современному русскому языку (фонетика, орфоэпия, графика, орфография). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. – 48 с.

Учебное пособие включает материалы первой части курса «Современный русский язык» и охватывает следующие разделы: фонетика, орфоэпия, графика, орфография. Оно состоит из 9 заданий, направленных на проверку основных знаний и умений студентов по изученным разделам. 8 заданий (кроме 3-го) выполняются на основе единого текста (предлагается 54 варианта текстов). Для выполнения 3-го задания даются варианты, каждый из которых содержит по 4 пары фонем. Вариант контрольной работы определяется по порядковому номеру зачетной книжки студента: номер варианта должен совпадать с двумя последними цифрами в зачетной книжке. Например, номеру 907001 соответствует вариант №1, номеру 907012 соответствует вариант №12, номеру 907050 соответствует вариант №50 и т.д.

Задания контрольной работы сопровождаются методическими рекомендациями по их выполнению и списками необходимой справочной литературы.

Контрольная работа предназначена для студентов 2-го курса заочного отделения. Материалы ее могут быть использованы также на практических и лабораторных занятиях по современному русскому языку студентами дневного отделения.

ББК 81.2 р
УДК 414

Рецензент доцент кафедры русского языка СамГУ Т.П.Романова

© Африкантова Л.К., Терентьева Л.В., 2002
© Изд-во «Самарский университет», 2002

ЗАДАНИЯ

1. Затранскрибируйте текст.
2. Произведите фонетический анализ слов, выделенных в тексте курсивом.
3. Отметьте интегральные и дифференциальные признаки указанных фонем.
4. Выпишите из текста **все** слова, в которых в **нейтральном** орфоэпическом стиле литературного языка допускается двоякое произношение. Дайте в транскрипции оба орфоэпических варианта: сначала – вариант, соответствующий правилам старого московского произношения, затем – не соответствующий этим правилам.
5. Приведите из текста по 5-7 примеров на каждый из способов обозначения: а) мягкости согласных, б) звука *j* – **в соответствии со слоговым принципом** русской графики.
6. Выпишите из текста **все** слова, в которых наблюдается отступление от слогового принципа русской графики. Раскройте характер нарушения слогового принципа.
7. Определите, какими принципами русской орфографии регулируется написание подчеркнутых букв в выделенных морфемах. Приведите необходимые доказательства.
8. Найдите в тексте по 3-4 примера написаний (в разных частях слова) на каждый принцип русской орфографии (кроме написаний, указанных в 7-м задании).
9. Определите в отмеченных квадратными скобками предложениях отношение написания к произношению (применительно к каждой отдельной букве).

ВАРИАНТЫ задания 3

1. И-Е, П-Т, Ф-Ш, Б'-М
2. У-О, Н-Л', Т-Ч', В-З
3. Ы-А, Ц-Ч', Й-Р, З-С
4. И-А, В-Н, К'-Х, Ц-Ш
5. О-Е, Б'-В, Р-Л', К-Д
6. А-Ы, С'-Л, Г-Т, Ш-Ж
7. Е-О, Й-Л, В-Ф, П'-Г'
8. Е-И, Д-З', Х-Й, М-Н
9. А-Е, М-Н', Ч'-Ш'Ш', Г-Х
10. И-Ы, М-Ф, К-Ч', Р-Н
11. О-У, Д'-З', Б-К, Й-В
12. А-О, М-Л', С-Ц, Ж-Р'
13. Ы-У, Т-Ц, П'-М', Ф-Ч'
14. У-И, Х'-Т', Л-Д, П-Г'
15. У-Е, Б'-Д', Ш'Ш'-Й, Ц-З
16. И-О, Х-С', Р'-М, Д-Л
17. А-У, Б'-Р, Б-Г', Ж-Ш
18. У-Ы, Ц-С', Ш-Й, К-П
19. Ы-И, Т'-Н', Ч'-Ф, М-Б
20. У-И, Й-Х, В-С, П'-Р'
21. Ы-Е, Ч'-Ц, Д'-Н', Ф-Х
22. О-Ы, Ф'-Ж, К-Р, Т-Л
23. А-Ы, Б-Г, С'-Й, Т-Н
24. И-Е, З'-Л', Ф'-Х', Д-Р
25. У-О, Ж-Р, М'-Н, П-Х
26. О-Е, В'-Й, Т'-Н, К-Л
27. Ы-А, Ш'Ш'-Ч', М'-Б', Ф-Х'
28. Е-А, Г'-Д, С-Ш, Н-Р'
29. И-У, Н'-Б', Х'-К, Л-Р
30. О-А, Ш'Ш'-Ш, З-Д', Г-М
31. Ы-О, В'-П, Ш-Ф', Л'-Й
32. А-И, Б'-Н, Р-Ш, Ц-Т'
33. Е-У, К'-Т, Ж-Ш'Ш', Н-П
34. О-И, Л-З, Б-П', Ч'-Й
35. У-А, Х-Ф', Д-Ц, Г'-Р
36. Ы-У, Н'-В', Т'-Д', Ч'-Ж
37. Е-Ы, П-Б', З'-Й, Ц-Ф
38. И-А, К-Х, Р'-Ч', М-Б'
39. О-У, Г'-Д', С-Ф', Н-М
40. Ы-И, Л'-З, П'-Г, Й-Ш'Ш'
41. А-Е, В-Б', Р-Ч', Т-Д
42. И-О, Ф'-М, С'-Ж, Х-З
43. У-Е, М'-П, Г-К, З-Ч'
44. Е-О, Л-Т', Х'-Р, Н-С
45. А-У, К'-Д, Ш-Х, Т'-М'
46. Е-И, Р'-Н', Ж-Д', В'-Х
47. О-Ы, З-В, Г-П', М'-Ч'
48. А-О, Л'-Ч', С-Ш'Ш', Р'-Ш
49. И-Ы, Н'-Л, Ж-Х, З-Ф'
50. А-Ы, Г'-К, Р-Д, Ш-З
51. О-И, Л-С, Д'-П, Ш'Ш'-В
52. Ы-Е, З'-Ж, Ф-Б, К'-Ч'
53. И-У, В'-М', П-Ш, Н'-Ц
54. У-Ы, С'-П', Д-Н, Х-Г'

ВАРИАНТЫ ТЕКСТОВ

к заданиям 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9

I

[В павильоне я случайно обнаружил книгу Толстого и прочел её, сидя под грушей в зеленом дворике]. Разумеется, навряд ли я тогда понимал многие особенности этого романа, но главное понял. Это видно из того, что я был потрясен так, как никогда не *бывал* потрясен ни до, ни после чтения этой книги. Три дня я ходил, как пьяный, и мычал какой-то свинцовый, сверхъестественный, дикарский реквием по поводу смерти героини. И без

того не склонный усердствовать лопатой и мотыгой, сейчас я даже не от-кликнулся, когда отец и сестра звали меня на огород. Выдергивать сорняки, пропалывая глупые тыквы и огурцы, когда мир вместе с Анной Карениной раздавлен под колесами поезда?! Я шагал по селу, и траурный шлейф реке-внема развевался за моей спиной. *К сожалению*, этот шедевр погиб навсегда в связи с моей музыкальной безграмотностью, а также отсутствием музыкальной памяти. *Впрочем*, возможно, я его вспомню, когда начну впадать в детство, из которого никак не могу до сих пор выпасть.

Чувствую, что начинаю сворачивать на наезженную колею. Каждый раз, когда мне предлагают всерьёз говорить о литературе, меня начинает разбирать смех. Литература настолько серьёзное дело, что говорить о ней серьёзно опасно.

(По Ф.Искандеру)

2

Катюша имела странную привычку, о которой мама говорила, что это очень дурная привычка, папа считал - "лёгкий недостаток", а сестра Лида думала, что это "просто дурость". Дело же заключалось в том, что, едва слышав чьи-то шаги, Катюша, громко крича "Здравствуйте!", бежала и распахивала дверь. Все домашние твердили, что, прежде чем снять крючок, обязательно нужно спросить: "Кто тут?" - а потом, если звонит знакомый человек, открывать ему, *если* же незнакомый - не открывать. [И мама, и папа, и Лида подробно объясняли Катюше, почему так нельзя делать, они приводили множество убедительных примеров], из которых следовало, что делать так нельзя, но привычка никуда не девалась. Мама ещё и так придумала - двумя булавками она приколола к дверной обивке листочек, на котором крупными печатными буквами было написано: КТО ТУТ? И все равно и после этого у дочери не получалось так, как, по маминой мысли, обязательно должно было получиться. Она летела на звонок, потому что её несли туда собственные ноги, открывала дверь и говорила: "Здравст..." а когда человек входил в прихожую, спрашивала у него: "Кто тут?". Даже если это был знакомый почтальон... Несколько раз она и сестру Лиду тоже спрашивала: "Кто тут?" - и Лида, заливаясь хохотом, говорила: "Вот подрастешь немного, и я куплю тебе, Катюша, попугаев: пусть учат тебя русскому языку!"

(По С. Залыгину)

3

По собственному опыту хорошо знаю: к служению науке человека готовят со студенческой скамьи. Мой университетский учитель – он создал в МГУ крупнейшую в нашей области научную школу – старался выявить

способности студента *еще* на первых *двух* курсах. И отнюдь не способности к учебе – талант научных свершений. Мы же пока имеем возможность делать это лишь с третьего курса, когда студенты получают курсовые работы по узкой *специальности*. Двадцать с лишним лет преподаю и могу с уверенностью сказать, что [подлинные таланты, способные *бес*корыстно служить науке, выявляются не часто – раз в пять, в десять лет. А ведь мы приглядываемся.] *ищем*, надеемся *отыскать*.

Итак, я начинаю готовить *способного* студента с третьего курса. Даю ему перспективную тему, он поэтапно ее разрабатывает и на четвертом, и на пятом. И потом *защищает* по ней отличную дипломную работу. Тогда становится ясно, годится ли кандидат в ученые для аспирантуры. А мы не всегда *властны* оставить в ней даже несомненно одаренного человека: лаборатории небольшие, это ведь «малая» наука... Однако настоящая научная школа может нормально развиваться лишь в *вузе*, ибо только там процесс обучения тесно связан с тенденциями отбора и особой *под*готовкой специалистов.

(«Литературная газета», 28.10.87.)

4

Коллекционеры - они муравьи, очень полезные существа. И мне досадно, когда люди неуважительно *относятся* к тем, кто увлечен коллекционированием, будь то старинные бумажные деньги, монеты, медальоны, марки, спичечные этикетки и прочее. Особенно достается филателии. Статья в "Правде" чуть ли не *объединяет* филателистов с уголовными элементами, приписывая им, будто они крадут из *архивов* документы, конверты, марки...

...Тем же подростком я, *разыскивая* марки, залезал в стоявший во дворе районного исполкома огромный мусорный ящик и *срывал* марки с выброшенных туда в *большом* количестве *конвертов*. Уже юношей, *приехав* в Москву учиться и тогда ещё продолжая *собирать* марки, я за просто пошёл в главное *здание* Госбанка, что и по сей день на Неглинной улице, вошёл в экспедиционный отдел и попросил *разрешения* брать ненужные конверты с марками. Как это ни покажется наивным и простодушным, мне сказали: "Пожалуйста, мальчик. Вон они, их ещё не выбросили". По наивности я срывал отличные марки, а мог брать их вместе с конвертами. К сожалению, в годы обучения в Москве я ужасно *голодал* и продал всю свою детскую коллекцию в филателистический магазин. Сколько мне за нее дали, не помню, но [месяц или два я питался *лучше* *обычного*. Сейчас, судя по газетной статье, пустой конверт тоже считается музейной редкостью.]

(По В. Розову)

В то же лето, как побывал Семен в районном центре, он стал приглядываться к церкви, которая стояла в деревне Талице, что в пяти верстах от Чебровки. Каменная, небольшая, она открывалась взору вдруг, сразу за откосом, который огибала дорога в Талицу... По каким-то соображениям те давние люди не поставили её на возвышение, как принято, а приютили внизу, под откосом. Ещё с детства помнил Семён, что если идешь и задумался, то на повороте, у косогора, вздрогнешь, внезапно увидев словно ниоткуда возникшую церковь, белую, лёгкую среди тяжкой зелени топей...

[И стоит в зелени белая красавица - молчит. Много раз видела она, как восходит и заходит солнце, полощут ее дожди, заносят снега...] Но вот стоит. Кому на радость? Давно уж истлели в земле строители её, давно распалась в прах та умная готова, что задумала её такой, и сердце, которое волновалось и радовалось, давно есть горсть земли. О чем же думал тот большой строгий мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку? Бога ли он величил или себя хотел показать? Но кто хочет себя показать, тот не забирается далеко, а подыскивает место поближе к большим дорогам - там заметят. Этого заботило что-то другое - красота, что ли? Как песню спел человек, и спел хорошо. Так просияла душа. Милый, дорогой человек!..

(По В. Шукшину)

Афоризмы Бориса Андреева, его тайна, пока ещё не открытая широкому читателю, - главное дело его жизни, которое оборвалось в самом начале. Но и того, что успелось, очень много. Когда-нибудь эти афоризмы будут изданы отдельной книжкой с иллюстрациями отличного художника. Вы спросите: почему не сейчас? Не знаю. Возможно, кому-то сочные, полные жизненной силы афоризмы показались не очень "изячными", а то и обидными? Тем не менее - я в этом глубоко убежден - это большое событие в нашей литературе.

Смерть Андреева прошла незаметно для нашего искусства. Газет я тогда не читал. И вот спустя месяц через случайный разговор узнаю: Андреев умер. Вскоре ушла за ним и его жена - очаровательная, жизнерадостная Галина Васильевна. Помню, как он рассказывал, как познакомился с ней.

- Едем мы с Петькой Алейниковым в троллейбусе. Не помню уж, о чем зашел разговор, только он мне говорит: "Ну кому ты, лапоть деревенский, нужен? Кто за тебя пойдет? Не отыщется такая..." А я ему: "Вот на-зло тебе завтра же женюсь". - "Это на ком же?" - "А вот первая вошедшая

девушка будет моей женой". - "Ха-ха!" Остановка. [Входят, отряхиваясь, ребята и девушки, все с коньками. Одна мне приглянулась - кое-как познакомился... И этот *ребяческий* поступок - суть Андреева.]

Они с Галиной Васильевной жили *счастливо* и умерли почти в один день.

(По Ст. Говорухину)

7

Наш корабль ложится курсом на юго-восток. Относятся к нам в любом порту хорошо. Ещё бы, на борту любимые артисты кино: Андреев, Крючков, Переверзев, Петр Соболевский - звезда ещё немного кино, Женя Жариков, Наташа Фатеева... Старое название парохода мы *закрасили* - старинной *вязью* на черном борту было выведено: ЦЕСАРЕВИЧ.

Ранним утром, когда бы ты ни встал, на палубе можно встретить Никафо. Спит Николай Афанасьевич мало. До поздней ночи сидит в каюте Андреева - там у нас главная *трёп-квартира*, - *рассказывает* свои байки, ближе к полуночи уже только слушает и наконец, когда у него начинают *слипаться* глаза, встает и *тихонько* *пробирается* к выходу. *Бормочет*: "Не расплескать бы сон по дороге..."

Встает *солнце*. С первым лучом он уже на ногах, на палубе. Если дело *происходит* в открытом море, вокруг него матросы. Они его обожают. Особенно любят послушать, как травит Никафó. Рассказывать (по-морскому - травить) он большой мастер. Если же судно стоит у причала, Никафó ловит рыбу. Более *страстно* рыбака во всем советском кинематографе не *сыщешь*. Всю выловленную рыбу всем пароходом не *съесть*. Как-то признался мне:

- *Знаешь*, как я теперь сценарий отыскиваю? Если, например, [начинается так: "По оживленной городской улице...", я говорю себе: "Нет, это мне не *подходит*". А если со слов: "На *берегу* пруда...", я радуюсь:] "О! Это как раз по мне!"

(По Ст. Говорухину)

8

Водянисто-белое, неподвижное *лицо*. Голова откинута назад, глаза полужакрыты. Черты этого лица тонки, правильны, скорее привлекательны, только что-то *мертвенное* в них есть. Какая-то прозрачная *неподвижность*, как в музее восковых фигур. И движения тоже странно-связанные, медленно-*рассчитанные*, плавно-механические, как у автомата. Вот он *входит* в какое-нибудь собрание медленными, твердыми, размеренными шагами. Останавливаясь, кланяется кому-нибудь, кому-то стискивает руку.

Бегло *взглянув* на часы-медальон, достает папиросы, стучит мундштуком о коробку, закуривает. Делает, словом, все то, что делают другие, окружающие его. Но каждый легкий поворот *головы*, каждое движение руки *неуловимо* и явно отличает его от всех.

Не лицо, а *парафиновая* маска. Но вот она вдруг приходит в движение. Дергаются углы рта, за ними щеки, сводит *сутулые* плечи мгновенная судорога, *пробегает* к коленям, чуть шевеля складки широких, в крупную шотландскую клетку штанов, и, наконец, ступни *тяжелых* ног неловко и грузно переступают на месте и застывают. [Как будто какая-то волна, как молния по громоотводу, пронизала этого человека и ушла в землю.] И снова он стоит, неподвижный, старомодно-живописный, церемонно-всхлибый, откинув голову, полузакрыв глаза, и горбинка на его правильном, тонком носу матово *просвечивает*, как восковая... Но если в такую минуту заглянуть ему в глаза, можно испугаться: такая *ледяная* тоска в этих мутно-голубых, полузакрытых, полубезумных глазах.

(По Г. Иванову)

9

В середине *сентября* 1922 года я проходил по Невскому мимо дома искусства. У *подъезда* под дождем стоял Пяст, притискивая к стене огромный рукописный плакат о каком-то своем вечере. Кажется, это был вечер выразительного чтения, которым в то время Пяст очень увлекался. Мне бросился на плакате в глаза неуклюже раскрашенный *черный* браунинг с красными клубами дыма и большими буквами *под ним*: "Я, Владимир Пяст, такого-то числа в таком-то часу вечера открою *беспощадную* пальбу по..." По чему он *собирался* открыть пальбу, я не *до*читал - шел мелкий, противный дождь. Да и *полемические выступления* Пяста, частые в те времена, давно всем приелись - *никто* на них не ходил...

На ходу я поклонился Пясту. Он церемонно и медленно снял свою широкополую шляпу, концы губ его дернулись.

[... "Человека надо оценивать не по судьбе, а по залогам души," - говорит где-то Розанов. С этим не спорят. Надо, разумеется.] Но ведь мало ли что "надо" в нашем несовершенном мире, и чтобы люди не старились "надо", и чтобы не умирали они, и чтобы счастливы были... И мало ли что ещё? "Оценивать по залогам души". Хорошо сказано и "пронзительно" - только как, каким способом производить эту оценку "по залогам", чтобы она не оказалась ещё более произвольной, чем обычная, "по судьбе", оценка. Да и в чем, наконец, сами они, эти залогов...

(По Г. Иванову)

Был вечер, неожиданно теплый и светлый, и [я, возвращаясь из города пешком, без неудовольствия делал крюк, чтобы исполнить поручение, которое принял не особенно охотно.] "Всемирной литературе", только что основанной, требовались какие-то справки по испанской литературе, которые Пяст обещал прислать и вовремя не прислал. Вот меня и попросили зайти к нему. Я жил на углу Каменноостровского и Большого. Пяст - немного в сторону, кажется, на Матвеевской. Если бы погода была плохая, я бы, вероятно, "забыл" об этом поручении, но вечер, повторяю, был чудный, и к Пясту я пошел. Долго разыскивать квартиру не пришлось. Позвонил. Шаги за дверью, но не открывают. Я позвонил ещё и ещё - то же самое. А за дверью не только слышатся шаги, слышен голос самого Пяста, громко декламирующего что-то. Что же это, оглох он что ли? Я нажал звонок, не отпуская. Дверь вдруг распахнулась - с перекошенным от ярости лицом на пороге стоял Пяст. Минуту он молчал, тяжело дыша - казалось, вот-вот он набросится на меня с кулаками - такое дикое было у него лицо. Но он перевел дух, дернулся и протянул мне руку.

- Раз зашли, заходите, - сказал он как-то неуверенно, и возбуждение, бывшее только что на его лице, сошло с него. - Раз вы поэт, то, я думаю, можно. Это не могло быть случайно.

(По Г. Иванову)

11

Знакомство мое с Пястом, завязавшееся в 1911-12 годах, было одним из первых моих литературных знакомств, но с тех пор оно так и осталось на мертвой точке, не прекращаясь и не развиваясь. Конечно, не часто приходилось с ним встречаться и разговаривать то здесь, то там, но это были "никакие" встречи и разговоры. И только один раз, уже во время революции, я неожиданно для себя вплотную столкнулся со "страшным миром", в котором жил этот странный человек с лицом, похожим на парафиновую маску.

... Разыскивать в тот вечер Пяста пришлось долго.

[...Из маленькой прихожей мы вошли в столовую - недостаточно хорошо обставленную - с ясеневым буфетом, прямоугольным столом посередине] и висячей лампой. Кроме того, в ней был страшный беспорядок: на полу навалены книги, чемоданы, сапоги, вазочки, валяется какой-то пиджак, медальон, перевернутый колченогий стул с продавленным сиденьем. Было такое впечатление, точно все это добро наспех переволокли откуда-то, как на пожаре, что попало под руку, и бросили как попало. Я чуть не раздавил какую-то семейную группу под стеклом, валявшуюся прямо на полу. Удивленный приемом и обстановкой, я молчал. Молчал и хозяин.

- Я, кажется, ни тревожил вас, Владимир Алексеевич, - начал я наконец. - Но дело в том, что "Всемирной Литературе"...

Он с неожиданной резкостью обернулся ко мне:

- Тсс!

(По Г. Иванову)

12

Сиживая на чердаке за книгами, я бросал взгляд в оконце и видел церковь без креста, но с тонкими и невысокими березками и кленом. Люди посшибали кресты, [выбили стекла, выдрали рамы и двери, хотели и кирпичом попользоваться, да, подолбив стену, отступились - крепка церковная кладка]. А деревья не отступятся, травы и деревья сделают свое дело, они вкогтились в купол и стены и каждый день, всякую ночь растут и, шевеля пальцами, раздвигают трещины и щели, а зимою все прорехи и морицины забивает лед и засыпает снег, приходит весна, и днем лед тает, а ночью крепнет - природа неустанно трудится и, созидавая самое себя, разрушает все дела рук человеческих, как только люди опускают руки.

Осенью деревца на церкви были желты, а клен багрян. Из чердачного окна, перед которым стоял стол с книгами, пепельницей и кружкой кваса, я смотрел на церковь, пожираемую природой, и мне легко было вообразить, как какой-нибудь Ангкор Великолепный, брошенный людьми из-за того, что наводнение превратило все окрестные поля в болота и начался голод, - как этот королевский город средневековой Камбоджийской империи с его площадями, базарами, храмами и дворцами карала десница природы: прокрались в город первые дикие растения и принялись все расшатывать и грызть, а уж потом джунгли хлынули и поглотили его славу.

(По О. Ермакову)

13

Я прихожу на взгорье с елями и садами и пью воду из колодца, и никто меня не замечает, потому что все думают, что я на Востоке, и пишут мне в тот район письма.

Я встречаю деда на взгорье и говорю: "Вот я вернулся, пойдем пить чай." Но он меня не слышит. Дед - великий чаехлеб, он на фронте пристрастился к чаю, а вообще в русских деревьях не очень жалуют этот напиток, молоком да киселями пробавляются - оно существенней, сытней.

[Попыхивая трубкой, дед искусно заваривает чай, и мы подолгу сидим за чаем, и я помогаю ему оседлать любимого конька,] и он рассказывает очередную мистическую жуткую историю. Как он вышел во двор по

нужде в самое неприятное и опасное время - в *полночь*, вышел и увидел: соломенная крыша хлева *зашевельлась*, раздвинулась - и повисли ноги...

...Я повторяю: дед, это я, пойдем в дом, ты *сыграешь* и споешь. Не воспринимает. Мимо смотрит.

Вообще-то дед не умеет играть, но гармошка в доме есть, и, *взбодрившись* вином, он берется за нее и выводит дикие мелодии и поет старые песни каторжан. "А глухой, неведомой *тайгой*, сибирской дальней стороною, *бежал* бродяга с Сахалину, звериной узкою тропною..."

(По О. Ермакову)

14

Зимой колокольнинский дом вырастал в Дом.

Сад был гол и черен и завален сугробами, и всюду лежали снега, и лоснились под солнцем поля, и в *березовый* лес можно было пробраться только на лыжах, и река *бесшумно* текла под прочным льдом и снегом - как будто бы и не было здесь никогда реки, а омуты с желтыми и белыми кувшинками, разноцветными *стрекозами* и поющими лягушками пригрелись.

Ночью в полях выли волки.

Первой вставала жена деда. Постукивая поленьями, она сначала *растапливала* в кухне главную печь и ухватом ставила в огонь чугуны с картошкой и бураками; потом шла в большую комнату и запаливала дрова, обсохшие за ночь, в маленькой, небеленой, обмазанной глиной печке. За ночь, [если держались морозы выше двадцати градусов, дом *простывал*: пройдишь босиком по голым половицам - и как рукой снимет самую сладкую дремливость]. И вот в мелкой печке начинали пылать и с *кряхтением* разрушаться березовые и осиновые поленья. С дивана было видно только отражение печки в громадном зеркале на коричневом шкафу, и, *проснувшись*, я *глядел*, как в глубине *холодного* зеркала *скрещиваются* раскаленные рдяные лучи. В сумраке виднелась дешевая икона с рушником и буажными цветами...

(По О. Ермакову)

15

В небо летали пятнистые вертолеты, под гусеницами хрустело, иногда *вверх* ударяла струя дыма, песка, *металла* и *ключев* кирпичи, одежды, резины, вертолет *приземлялся* - и к нему бежали солдаты с *отвисшей* плащпалаткой. Мы ползли среди хребтов, то и дело останавливались и рыли

окопы. Земля гудела под кирками и ломами; солнце палило, тугие красные пузыри на ладонях рвались... [Два года жизни в степях и горах позади, но о нас как будто забыли, и мы скитались по ущелью и плоскогорьям,] выдалбливали окопы, пили сырую воду из арыков и ручьев...

Покуривая, мы сидели и следили за гигантской черепахой. Вдруг пришел комбат и крикнул: отбой, батарея! В полк!

Стемнело. Мы были готовы: и вторая батарея, и пехотный батальон, и танкисты, и минометные батареи - все ждали. Над хребтами, вздрагивая, повисли жирные звезды, и тогда раздалась команда, загудели моторы.

Никто не спал. Колонна шла с выключенными фарами, медленно двигаясь меж расплывшихся каменных великанов. Светало.

Откинувшись на крышку люка, я сидел за крупнокалиберным пулеметом, осоловело глядел на обесцвечивающиеся звезды, пучил глаза, встряхивал головой, зевал, и звезды лопались, как мозоли на ладонях. И вдруг засветилась брешь, я с трудом пролез, испачкавшись... В пустых окнах возникшей церкви вспыхнул мягкий медный свет, и звон озарил избы и мое грязное лицо, я вздрогнул и сторбился, осел и уперся коленями в заснеженную землю.

(По О. Ермакову)

16

Дверь в гостиницу распахнул бородатый строгий швейцар, как будто из дореволюционных времен, и они, как во дворец, вошли в мраморное великолепие. По блестящему полу прогуливались люди, сидели в креслах, солидный иностранец, забросив ногу в ботинке на колено, держал перед собой развернутую газету.

Впереди шел отец в ботинках тридцать девятого размера, уверенно постукивая каблуками. Люди почтительно здоровались с отцом. Сейчас, когда они шли по мрамору и ковровым дорожкам, отец казался ему необычным человеком, он был выше себя ростом, а чемоданы, которые несли за ними, каким-то образом оказались раньше их в номере. На этаже коридорная поспешила отдать ключ, и горничная в белом переднике с крылышками словно бы ждала их и умилилась Жене.

В первую ночь в Москве он почти не спал. Дыхание огромного города, гудки автомобилей за окном, кремовая шелковая занавеска на окне наливается светом, свет и тени кружатся по потолку... А едва задремывал - белые милиционеры посреди улицы взмахивали жезлами; вздрогнув от гудков, он вскочил - не сразу сообразил, где он, почему. Окончательно проснулся поздним утром, и опять было ощущение праздника: музыка за окном, яркое солнце под высокими лепными потолками и мама в голубом халатике носит к шкафу платья на плечиках.

[Завтракали они в кафе: сосиски, которые он больше всего любил, взбитые сливки, а из репродукторов на улице гремело:] “Над страной весенний ветер веет, с каждым днем все радостнее жить...”

(По Г. Бакланову)

17

Они продолжали жить в гостинице, и по утрам горничная *убирала* в номере. Жене нравилось проходить мимо иностранцев, нравилось, что швейцар, теперь уже знавший его в лицо, открывал перед ним массивную дверь. И *всё* бы хорошо, но что-то происходило между отцом и матерью, шепоты длились за полночь, случалось проснется, а у них горит свет. И днем мать ходила тихая, подавленная, спросишь, а она не слышит. И отец как будто стал *избегать* его.

[Наконец им дали квартиру. Они долго ехали по Москве, потом пошли какие-то переулки, деревянные старые дома.] У водонапорной колонки на улице *девочка* в ситцевом платье мыла под струей босые ноги. И вот здесь, на пустыре, стоял дом, *серый, пятиэтажный*. Шофер внес вещи и распрощался как-то виновато. Голое окно, узкий дубовый буфет. А у стены стоял все тот же зашитый в *рогожку* их платяной шкаф. Чей-то ребенок плакал в квартире. Ничего не понимая, Женя вышел *посмотреть*. Дверь напротив их комнаты была открыта: на столе, задрвав короткую рубашонку, стоял вздрагивающий от слез мальчишка. *Побежала* по коридору *вспатланная* женщина, и за дверью начался крик и рев. Недоумевая, Женя *спросил* мать:

- Мы здесь будем жить?

Мать стояла лицом к окну, четко обрисованная светом.

- А где же моя комната?

Она обернулась, против света он смутно различил ее лицо.

- Я тебе не говорила, пока могла... Но ты уже большой. У твоего *отца* другая семья.

(По Г. Бакланову)

18

В их классе были ребята из бараков, но были из *большого* дома на Можайском шоссе. С ними он старался дружить. И однажды Борис Пименов позвал его к себе после уроков. Размахивая *портфелями*, громко болгая, они прошли мимо лифтера, поднялись в лифте. На звонок из-за мягко обитой двери раздался *грубый* породистый лай, и, когда вошли, огромный

пятнистый дог кинулся лапами ему на грудь. Борис хохотал, трепал пса за уши:

- Он еще глупый, щенок. Знаешь, сколько ему? Семь месяцев. Дитя! Представляешь, какой он будет!

Женя тоже смеялся, стараясь показать, что не испуган, тоже тянул руку погладить омерзительно голую собаку, но в душе был оскорблен. [Пес шел за ним, постукивая когтями. Сияли натертые полы, большой стол под абажуром был накрыт бархатной скатертью с бахромой,] с кистями; в серванте за стеклом позванивали разноцветные бокалы. Как когда-то у него прежде, была у Бориса своя отдельная комната. С потолка свисали кольца, была шведская стенка, блестели на коврике никелированные гантели. Они побоксировали с грушей, и их позвали обедать. Подавала на стол пожилая женщина крестьянского вида в белом платочке в синий горошек, а мать Бориса, высокая, полная, величественная, расспрашивала, кто он, что. Женя ел, не подымая глаз, но его смущал и притягивал глубокий взгляд ее темно-зеленых глаз.

(По Г. Бакланову)

19

Солнце садилось, дул стылый, морозный январский ветер, и какая-то опасная прозрачность наблюдалась в воздухе. На западе воткнулись в горизонт три острых и длинных облака. Они краснели чуть фиолетово. Туда, в пустоту, уходил пустырь, с бурьянами и свалками; чуть ближе, прямо в поле, было трамвайное кольцо (Лева раньше думал, что выражение это образное, а не буквальное). Оно поблескивало в снежном обрамлении. Казалось, дома стояли покинутые - такое было безлюдье, и звенела тишина. В закатных лучах, на голубом фоне, отдельные, сахарные, стояли редкие, заиндевевшие кубы домов, слепо и безжизненно отблескивая гладкими окнами в закат. Сзади причудливо растянулись очертания каких-то странных коттеджей и павильонов. Все было как бы приснившимся. Он пересек это пространство сна, все в сквозниках, не ощущая собственных движений. Разыскал делов подъезд. [Стоял под легкомысленным красным козырьком у дырявой зеленой стеночки, рядом желтая с синим скамейка для сидения старух] - стоял и стыл. Время тянулось.

... Открыл ему какой-то незнакомый тип и посмотрел с ровным неузнаванием. "А вдруг?..." - Лева похолодел от предложения. Не могло быть: такое несходство. Этот бритый череп, ватник, возраст самый неопределенный, а самое главное - это щетинистое, задубевшее лицо поражает своей неодоухотворенностью... И оно молчит, тупо, лень губы разлепить.

(По А. Битову)

В довоенной Игарке, в двенадцатой школе, одно время литературу и русский язык преподавал молодой учитель с памятной фамилией - Артикуло. Был он *ещё* молод, хорошо по тому времени одевался, имел чисто промытый пышный чуб, который все время *ниспадал* учителю на крупноносое лицо. Нос слишком *широко* и вольно вытекал прямо из лба, несколько искажал симпатичное лицо учителя. Отращивая чуб, Артикуло загоразживал сей изъян. Волосья он ежеминутно *отдывал* с глаз и при этом *раскачивался* на стуле. Однажды изобретательные ученики подпилили ножки стула, Артикуло упал на пол, но не расшибся, рассердился на нас маленько и раскачиваться перестал.

[Артикуло погиб на войне, командовал стрелковым батальоном, и царство ему небесное, а в ту пору, о которой речь, часто исчезал он из школы] на день, когда и на неделю, занимался военной подготовкой. И тогда *являлась* в класс учительница мужицко~~го~~ роста, с мужицким голосом, в мужицкой белой рубаше с отложным воротничком, из-под которой на деревянно выпяченную грудь свисал соленой горбушей блискучий галстук с большим узлом.

Артикуло вел уроки весело, с подковыркой, с шуточками, а эта баба, посверкивая глазами, зычно роняла: "Встань!", "Отвечай!", "Не корчи рожу!", "Поразговаривай у меня!", "Кто там шевелится? Кого клоны едят?" Класс отвечал ей тихой *ненавистью*.

(По В. Астафьеву)

Андреев обладал уникальным литературным даром. Жаль, что талант этот проявился так *поздно*. Впрочем, раньше он не мог обнаружиться. Жанр, в котором он к концу жизни стал пробовать себя, требовал большого *жизненно*го опыта, глубокого, философского осмысления жизни.

Как-то я звоню ему.

- Приезжай, - говорит, - хочу тебе кое-что *почитать*.

Я уж собрался было ехать, но тут *вспомнил*: Володя Высоцкий просил *познакомить*. Я ему про Андреева рассказывал много, Володя смеялся - нравился ему Андреев в моих рассказах. Позвонил я Высоцкому, говорю: "Еду к Андрееву, *хочешь*, поедем вместе?"

Приехали мы на Большую Бронную, где БФ жил последние свои годы. Володе, чтобы понравиться человеку, много времени не надо было. Через пять минут они влюбились друг в друга, через *десять* - перестали меня замечать: так много оказалось у них нужного сказать друг другу. Короче, Андреев перестал стесняться Высоцкого, *заварил* чай в *разысканной*

на кухне большой *эмалированной* кружке - и достал толстую, как Библия, *кожаную* тетрадь:

- Подари*вший* мне эту тетрадь друг, цирковой артист, сказал: "Борька, ты у нас человек остроумный, напиши в ней что-нибудь смешное." И я решил написать ... афористический роман.

Мы пере*гля*нулись. Роман из одних афоризмов. Жанр под силу лишь дровням. А ну как будет не смешно?

Но после первых же фраз [мы аж взвизгивали от смеха, а через несколько минут уже не смеялись, а только стонали да корчились от душивших нас спазм].

(По Ст. Говорухину)

22

Если вы не бывали под заполярной вьюгой глухой северной зимой, считайте, что и горя не ведали. Она не просто бьет и треплет мир божий, она его перетряхивает, как старую *рухлядь*, и все норовит поднять вверх, *раскрутить*, перепутать, свить и *ука*тить невесть куда. [Блажен, кто в эту пору *расположился* под *крышей* у жарко *натопленной* печи и, попивая чаёк, ведет неторопливые *беседы*].

Но если в детдомовском "семисезонном" пальтишке - это значит в легнем и зимнем одновременно - в *куцей шапчонке*, уши которой *стянуты* тесемками под нижней губой, потому что до подбородка не достают, в полусуконных штанах, под которыми тлею шевелятся тонкие кальсончики, засунутые в жесткие голенища валенок, *низко* *обрезанных* из-за того, что загибал ты их для форсу, но строгие учителя отпластали половину обуви с воспитательной целью, если во всем этом снаряжении, *натянув* на щеку легкий *воротничкишко* и затыкая мокрый задыхающийся рот казенной рукавицей, через сугробы тащиться на окраину города, во тьму кромешную - лампочки на столбах лишь в центре города, у выставочного *павильона*, под козырьком магазинов и у кинотеатра едва *светятся* сквозь тучи снега, дальше и вовсе провал, конец света, голосящая преисподня?

Вот как-то *шугал* я однажды домой, не помню уж откуда, остановился отдохнуть под тополем, *отлы*шался.

(По В. Астафьеву)

В моей жизни фильм "Большой вальс" - особая статья. Когда меня спрашивают, был ли я когда-нибудь счастлив, твердо отвечаю: "Да! Был!" - и рассказываю про тот далекий день, точнее про зимнюю заполярную ночь, когда брел, гонимый пургой, и прибрел к кинотеатру, как увидел рекламу фильма, как вздрагивало во мне что-то, как я решил найти рубль и нашел его, как смотрел "Большой вальс" и весь фильм улицался слезами от умиления и еще от чего-то, мной тогда, да и по сию пору до конца не отгаданного. [Я много раз смотрел кинокартину и перестал на нее ходить после того, как она была дублирована. Классный фильм,] он тем и отличен от плохого фильма, что в нем все целесообразно, продумано до мелочей, подобрано к месту и снято "очко в очко". После дублирования погасли подлинный голос исполнителей, их интонации и, наконец, тайна непонятого языка - фильм "онемел" и во многом потерял привлекательность, сделался простеньким и даже слащавым. Но, может, это произошло еще и оттого, что к той поре мы уже досыта насмотрелись иностранных фильмов, среди которых было немало киношедевров.

(По В. Астафьеву)

Я был в Югославии в дни юбилейных торжеств, посвященных освобождению Боснии от фашистских оккупантов, и в ее столице ехал однажды на машине с друзьями к горе Игман. Что-то знакомое "заценило" мой глаз. Присмотрелся внимательней: аллея с ровно и высоко вознесшимися деревьями, меж ними дорожка, по которой катит очень знакомая кибитка со знакомой лошадей и извозчиком на облучке. Я и сказал моим спутникам, что нечто подобное видел в одном знаменитом фильме. Оказалось, что небезызвестные кадры снимались здесь, в Сараеве, на этой самой аллее, и с тех пор кибитка из "Большого вальса" катается взад-вперед по аллее, и кто хочет посидеть и прокатиться под звуки вальса в кибитке Клары Доннер и ее возлюбленного Иоганна Штрауса - плати денежку. ["Я хочу!" - заорал я во всю глотку и, бросив горсть мелочи в руку старенького и приветливо улыбающегося извозчика, взобрался на сиденье кибитки.] Скопление туристской братии, грохот и вой музыки, близкий шум машин на шоссе, идущем параллельно прогулочной дороге, брызжащий свет водопода мешали мне отдаться блаженной картине - услышать поскрипывание рессор, стук лошадиных копыт, пение птиц, шум воды, шелест листьев над головой и рождение вальса.

(По В. Астафьеву)

Старший лейтенант Кочин уже в какой раз выводил остатки своего батальона из окружения. На этот раз это было западнее Сухиничей.

Бои продолжались сутки, и вторые, и пятые, артиллерийский полк нес огромные потери, подкрепления не было. Изначально думалось, что и немцы сильно потрепаны, но вышло не так. Они отказались от фронтального удара и, подтянув резервы, обошли полк с флангов и замкнули кольцо. При очередном налете вражеской авиации был разгромлен штаб полка, погибли командир и все начальство. И сейчас Кочин не только выводил из окружения восемнадцать своих оставшихся в живых бойцов, но и выносил спряганное под гимнастеркой знамя полка. Среди спасшихся были пятеро раненых, шестой - сам Кочин, осколком ему задело левую руку, но он мог держать оружие.

Дороги и сёла кишели немцами, и приходилось пробираться лесами, отыскивая потаенные тропы, избегая встреч с противником, каждая из которых грозила бойцам окончательной гибелью. Где ныне находится линия фронта, никто не знал, но за ночь Кочин прошёл со своими бойцами около двадцати километров и был уже счастлив этим.

[Новый день уже вовсю начался. Остановились на привал: всем нужен был отдых и хоть какое-то питание из скудных запасов.]

В котелках побулькивала вода, и младший сержант Скворцов высыпал в нее четыре пачки горохового концентрата - их практически единственной провизии.

(По С. Баруздину)

Артиллерийский батальон нес явные потери. Сползли на дно окопов первые убитые и раненые, взметнулись в воздух два ПТР, разнесенные в прах, кровь смешивалась с перепаханной землей и снегом. Еще три танка подорвались на минах, но не задымили, а продолжали стрелять, третьего настигла пуля пэтээровцев, [кто-то остановил самоходку связкой гранат. Смотреть по сторонам было некогда, но Гриша чувствовал, как слабеет огонь батальона.] И когда наступила минутная передышка, он рванул с тяжелым пулеметом туда, где только что стрелял Кочин, и наткнулся на развороченную землянку; бойцов не было. Гриша потащил пулемет по тропинке. Он поставил его на край окопа, дал несколько очередей и вдруг понял, что впереди уже только танки, их было пять или шесть, и они, вспыхивая огнем выстрелов, движутся на окопы. Справа и слева раздавались редкие одинокие очереди, и Гриша не мог понять, есть ли там кто

живой. Он хотел уяснить обстановку, но не успел. Последнее, что он запомнил, это неуклюже разворачивающиеся танки... Его взметнуло куда-то вверх, потом ударило в обожженную землю, оглушило, и он уже не слышал, а только видел, как на него рушатся мутные холодные небеса.

Когда он пришел в себя, вокруг был один снег, белые халаты и на фоне их загорелое живое лицо.

(По С. Баруздину)

27

Дверь дома была распахнута настежь. Снаружи торчал ключ. Дом был пуст, так же, как все дома в этой деревне, по которой недавно проходила линия фронта. [В комнатах все выглядело так, как будто хозяин ушел работать в поле, а хозяйка отлучилась на минуточку к соседке.] Рядом с зеркалом, украшенным бумажными цветами, висели стенные часы, стрелки показывали обеденное время - половину первого. Ланский посмотрел на себя в зеркало. В нем отразился грязный, давно не бритый оборванец с похудевшим лицом, с голодными глазами, в черном потрепанном комбинезоне, подпоясанном широким ремнем, на котором висел в незастегнутой кобуре пистолет. Может быть, он посмеялся бы, если бы не голод, мучивший его уже целые сутки. "Здесь были наши, - подумал Ланский. - Франкисты разграбили бы деревню".

На окнах висели занавески из холщовой дешевой материи, чем-то похожей немного на русский ситец. Ланский сдернул их, одну свернул, а вторую разорвал пополам. Ничего, не беда. Он свой, не осудят. Ланский снял башмаки. Ноги были натерты до крови. Носки присохли к ранкам, и он не решался снять носки. Чуть посидел, собираясь с духом, потогм рванул и едва не потерял сознание. Боль была такая, будто он опустил ноги в кипящую воду. Он смазал ранки найденным тут же йодом и гладко и туго завернул занавеску вокруг ноги.

(По В. Каверину)

28

Уже давно постреливали, и по звону разбитых стекол в соседнем доме легко было догадаться, что присутствие их обнаружено. Они не понимали, почему батальон Гарибальди, который они вторые сутки разыскивали, не оставил прикрытие. Но им уже давно пришлось привыкнуть к загадкам, которые встречались почти каждый день в этой беспорядочной, непонятной войне.

20

- Надо уходить, - сказал Ланский, *управившись* с кашей, отвратительней которой он ничего никогда не ел.

Выйдя за ворота, они *огляделись*. Впереди *расстиралась* долина. [Вдалеке она переходила в холм, на вершине которого *зеленела* густая оливковая роща. А за рощей просматривались какие-то башни.] Справа от рощи тянулись свежеврытые *канавки*, по сторонам которых был навален песок. По долине, *покрытой* папоротником, *кто-то* - трудно было сказать, человек или собака, - торопливо двигался по направлению к деревне. Стреляли из рощи. Пули падали близко от этого *движущегося* существа. Фонтанчики песка то и дело взлетали подле него. Но *непрекращающиеся*, казавшиеся равнодушным к опасности движения продолжались. На груди у Шубина висел полевой бинокль. Он вынул его из футляра, посмотрел, пожал плечами и передал Ланскому.

- Зачем? Ты же видишь лучше меня.

- Да, это не собака. Собаки прекрасно чувствуют опасность. Это очень маленький человек. Видимо, ребенок.

(По В. Каверину)

29

Десять дней тому назад он был в сельсовете. В бывший гусинский широкий, как розвальни, возок запрягли Перчика. Тихонов нарочно поехал через Малахово, хотя зимняя дорога была проложена прямо на церковь. Жеребец был первой скотиной, купленной колхозом на чистые деньги в племенном *рассаднике*. Через всю деревню Тихонов *проехал* шагом, широко по - кучерски держа вожжи и откидываясь на спинку возка с видом, что только не *хочет* пустить. Остановившись у *попоповского* домика, где помещался сельсовет, он медленно вылез из возка и, разминаясь, как с долгой дороги, через обступивший *лошадь* народ взошел на *крыльцо*. Быков встретил его, с приветливой сдержанно-насмешливой улыбкой *протягивая* левую руку.

- Садись, - показал он на плетеную качалку, стоявшую в качестве кресла для посетителей. - Выбрался? Ну, как?

[Тихонову было приятно *отвечать* на его вопросы, хотя Быков не мог не знать всего этого по сводкам и *донесениям* в район.]

- Ну-ну, подшуровывай... - строго хвалил его Быков и поигрывал *сжатыми* губами.

Тихонов уже собрался *уезжать*, когда председатель, будто чуть не забыв, вынул *широкую*, как простыня, разграфленную бумагу и быстро повел *пальцем*. Поймав цифру, он вопросительно и что-то соображая про себя посмотрел на Тихонова.

- Как с этим делом?

- Да как?.. - сразу *ускинул*ся Тихонов. - Как было, так и есть. Меня они не спросят.

(По А. Твардовскому)

В избе и в семье Юрочки прочно держатся старые порядки и обычаи. Невестка, не пожилая у него года, уже берет ложку с кашей по-ихнему.

- Обедать с нами, - пригласил Юрочка и засмеялся, делая рот трубочкой, точно у него болели зубы.

Молодая встала и, обмахивая рукой табуретку, подвинула ее Тихонову. Он сел и, пока не кончили есть, говорил о хозяйстве, о том, что дорожки на скотном дворе до сих пор не посыпаны толченым кирпичом, что Евдокия плохо ходит за коровами. Тихонов выругался и обессиленно махнул рукой. Юрочка ел неторопливо, поминутно неуклюже посмаркиваясь от пара, бившего ему в нос. Тихонову очень часто приходилось ожидать бригадира, покамест тот ест или делает еще что-нибудь. Случалось сидеть и смотреть, как он ходит, ища что-то, по хате, нерослый, кривоногий, с торчащими, как сложенные крылья, плечами и животом через пояс. Больше всего раздражал колкий, частый, почти беспричинный смех Юрочки.

[Он вылез из-за стола и стал креститься, взмахивая тяжелой кистью руки: когда он ее опустил, она долго болталась, как подвешенная.]

Вспомнив о цели своего прихода, Тихонов спросил в лоб: Хочешь, Юрий Яковлевич, побыть председателем колхоза? - И он вынул бумажку.

(По А. Твардовскому)

Она не была в этом поселке целых двадцать лет. Впрочем, кто скажет, много это или мало... Для нее они пролетели как один день - с возрастом, как известно, годы так и проходят: кажется, вот только что проснулась, что-то поделала, с чем-то закрутилась - и, боже мой, как быстро бежит время, вот и день вроде кончается уже, и зыбкая серая тень уверенно ложится на мягкий, чистый дневной свет... Так бесследно вроде и жизнь прошла. А ведь отчетливо, и причем с каждым днем все яснее, помнит она себя, ту четырехлетнюю деревенскую девочку, которая будто бы спокойно, с будничным любопытством смотрит на свою мертвую мать, лежащую в избе на полу. Это уже потом, гораздо позже, от своих родственников, которые, как могли, привечали бедную сироту, узнает она, что мать умерла от роду в двадцать семь лет.

В этот подмосковный поселок она приехала с мужем за два года до войны. Ему как работнику путевой машинной станции выделили комнату в новом двухъярусном [доме, возведенном совсем рядом с железной доро-

гой: пусть все живущие здесь всегда слышат и помнят о ее стальной и немолчаливой мощи,] чтут ее неодолимую силу.

С радостным нетерпением ехала она сюда или с остывшей горечью? Был уже совсем крошечный ее первенец, сын, рядом муж Павел, высокий, сильный, красивый такой русоволосый россиянин...

(По С. Баруздину)

32

Лошади пошли полем, звучно чавкая копытами в раскисшей от дождей борозде. Опушка осталась позади, а в душе Бурова начало разрастаться холодноватое чувство тревоги: как бы ненароком их не подстерegli по ту сторону речки. Все-таки за версту от станции находилась полиция, кто знает, сидят ли полицаи теперь в своем бункере или, может, как они, носятся по дорогам и деревням, а то еще и устроят засаду. [Мало ли они за лето нарывались на полицейские засады? Особенно на хуторах, в поселках, возле мостов и кладок.] Теперь, в этом поле, он не подгонял кобылку, и та шла, как хотела, устало клёкая копытами в грязи, а он, напрягая зренье, пристально всматривался в приречный кустарник, туда, где когда-то была кладка. Хотя он родился тут и подростком обегал все окрестности, с того времени, как они с отцом в коллективизацию перебрались в местечко, Буров ни разу не побывал здесь - не было надобности, потом служил в армии на Дальнем Востоке, а два последних предвоенных года работал в районе - гонял по дорогам полуторку. И вот сейчас, проезжая по знакомым местам, едва узнавал их, хотя не многое здесь изменилось. По крайней мере, опушка, дорога и поле были совершенно прежними; когда-то он тут пас коров, знал тут каждое болотце и каждую стёжку.

(По В. Быкову)

33

И в поле, и возле речки было пусто, лишь в приречном лозняке на ветру хлопшилась непоседливая воробьиная стайка да с изгороди возле баньки лениво взлетела ворона. Буров уже видел сущеневский огород с двумя аккуратными стожками возле сараев, от баньки туда, помнится, вела хорошо утопанная стёжка. Когда-то подростком он бегал там, зарясь через плетень на толстые стручки сущеневских бобов, представляя у себя в руке сочный, упругий стручок. Сущеня тогда был неженатым поклади-

стым парнем с добродушным, спокойным лицом, лет на десять старше его. Он чем-то даже нравился Бурову, может, своей незлобивостью.

Соскакивая с кобылки, Буров потянул за повод, торопливо переступил по кладке. [Едва удержавшись на доске, выпустил из руки повод; кобылка, подняв множество брызг, испуганно выскочила на ту сторону и остановилась, отряхиваясь] и озираясь.

Войтек перебрался более удачно, его конь тяжеломерно вскарабкался на берег...

Еще не дойдя до баньки, Буров учуял знакомый запах дыма и встретился. Если от баньки тянет дымком, значит, ее топят или уже истонили и моют. Надо же было угодить сюда в такое неподходящее время! Но поворачивать, пожалуй, было уже поздно - их могли увидеть в крошечное оконце из баньки. Буров зашел с глухой, надречной стороны, прислушался. Здесь уже всюду пахло дымом, сажей, сухой нагретой глиной. Войтек, подъехав поближе, тоже соскочил с коня.

(По В. Быкову)

34

Он сидел неподвижно, прислушавшись к шорохам, скрипам и жалобным вздохам старого дома, к вою метели и окрикам патрулей, проникавшим сквозь плотные светомаскировочные шторы, затем встал, подошел к стенному зеркалу в потресканной овальной раме красного дерева. Зеркало отразило сухошающую фигуру в сером мундире с черным отстегивающимся плюшевым воротником, с Рыцарским крестом на шее, начавшее стареть мальчишеское лицо с бледно-голубыми глазами. Сейчас, когда лицо не для кого было делать, выглядело оно не улыбочным, не лукавым, а измученно-серым. Вглядываясь в себя придирчиво, как женщина, он его умыл рукою, но только резче обозначились набрякшие потемнения под глазами. Затем рука опустилась, расстегнула две пуговицы мундира, проникла за жесткий обшлаг к левой стороне груди. [Никто во всей армии не знал, что бравый Гейнц, казавшийся воплощением здоровья и духа и тела, в сущности, очень больной человек], подверженный внезапным обморокам и сердечным припадкам. Пока еще эту железную, но одетую в мягкое руку, сжимавшую сердце пугающим теснением, удавалось разжать двумя рюмками коньяка. Но рано или поздно следовало все же посоветоваться с врачом. Он собирался это сделать в Москве. Но из сегодняшнего оврага Москва ему показалась уж очень далекой.

Взяв тяжелый подсвечник, он перешел в кабинет. Решение было почти готово, но он решил прежде написать письмо жене. Он ей пожаловался на теснение в сердце, далее обрушил на нее жалобы совсем не медицинского свойства.

(По Г. Владимову)

Среди утренних рос Василек не помнил себя. Он был растворен в своей бабушке Природе. Он рос вне времени, вне *тревог*. И юный стебелек его незаметно тянулся к небу. А потом что-то случилось: изнутри, исподволь закралась тревога, словно нечто в нем пугалось возможности как-то оскорбить окружающее своей *невзрачностью*. Ему хотелось скорее *распустить* над собою ажурный веселый и прекрасный зонтик бутона, но что-то глубокое *подсказывало*, что торопиться не следует, что в преждевременье он *может* растратить сочность и переливчатость оттенков. День за днем он подкапливал силы, отгоняя почти навязчивое чувство: "А вдруг я так никогда и не *наберу* достаточных сил, чтобы *вспыхивать* всеми своими возможностями". Раз утром прилетел шмель, крепкий, толстый, как гул, постучал *хоботком* в переполненный силой бутон и прогудел: "Юра, брат, пора". Шмель улетел, а бутон чуть приоткрылся, но распуститься не решился.

Но вот однажды случилось: нежнейшей свежести, сотканная из света и солнца, невесть откуда возникла бабочка. Василек так изумился, что вспыхнул навстречу лепестками, в которых *смешались* оттенки утренних туманов, прозрачные звездные сумерки кратких, как взмах, ночей, смущенные собою зори и *отблески* туч грозových.

[Бабочка мгновенно опьянилась васильковым нежным мужеством и замерла неподалеку, притворившись лепестками сновидческого цветка.]

(По В. Ахрамовичу)

Я запечатлела Эренбургово лицо *поцелуем*. От него пахло трубочным дымом. *Вернувшись*, я сейчас же написала пале письмо. За нами зашла Любовь Михайловна, и мы все вместе пошли на почту. Боже, как здесь много зелени! [Перед каждым домом узкий длинный палисадник, часто дом совсем покрыт плющом, окна и балконы похожи в этой силе плюща на бессильные дырья.] На балконах цветы, на окнах тоже цветы, на каждой улице по большому скверу. Вот и почта. По бокам двора огороженные четырехугольные клумбы. *Входим* в мрачное прохладное *святыхлице* писем. Стоят дамы, девушки, фрейлины... И такая тишина! Как же может быть в храме? Пока я предавалась таким *размышлениям*, мама и Любовь Михайловна всё кончили. Мы пошли домой. Вскоре забили к обеду. Я *пришла* скорей всех и уже пила бульон из чайной чашки. С нами обедали издатели - Геликоны - муж и жена. Эренбург сказал проходящей горничной: "Битте бир". На нашем *столе* через минуту стояли три бутылки пива.

После обеда нам привезли вещи из *багажа*. Мы сейчас же стали разгружать наши чемоданы. Извлекли из глубины кулич и пасху, *плясуна* и мальчика на санках. Все из дерева.

Эренбург похож на ежа. А из верхнего и нижнего кармана по любимой черной гладкой трубке.

(По А. Эфрон)

37

Голодная волчиха встала, чтобы идти на охоту. Ее волчата, все трое, крепко спали, *сбившись* в кучу, и грели друг друга. Она облизала их и пошла.

[Был уже *весенний* месяц март, но по ночам деревья трещали от холода, как в декабре, и едва высунешь язык, как его начинало сильно *щипать*.] Волчиха была *слабого* здоровья, мнительная; она *вздрагивала* от малейшего шума и все думала о том, как бы дома без нее кто не обидел волчат. Запах человеческих и *лошадиных* следов, пни, *сложенные* дрова и темная унавоженная дорога пугали ее; ей казалось, будто за деревьями в потемках стоят люди и где-то за лесом *воют* собаки.

Она была уже не молода, и чутье у нее ослабело, так что, случалось, лисий след она принимала за собачий и иногда даже, обманутая *чутьем*, сбивалась с дороги, чего с нею никогда не бывало в молодости. По *слабости* здоровья она уже не *охотилась* на телят и крупных баранов, как прежде, и уже далеко *обходила* лошадей с жеребятами, а питалась одною падалью; свежее мясо ей приходилось кушать очень *редко*, только весной, когда она, набредя на зайчиху, отнимала у нее детей или *забиралась* к мужикам в хлев, где были ягнята.

(По А.П. Чехову)

38

На закате колхозных *лошад*ей гнали через брод в луга, в ночное. [В лугах они неторопливо паслись, а позднее ночью подходили к огороженным теплым стогам и спали около них стоя, *всхрапывая*, *вздрагивая* и потряхивая ушами.] Лошади *просыпались* от каждого шороха, от крика перепела, от гудка буксирного парохода, тащившего по Оке *баржи*. Пароходы всегда гудели в одном и том же месте, около переката, где был *виден* белый *сигнальный* огонь. До огня было не меньше пяти километров, но казалось, что он *горит* совсем недалеко, за соседними ивами.

Каждый раз, когда мы проходили мимо согнанных в ночное лошадей, Рувим спрашивал меня, о чем думают лошади ночью.

Мне казалось, что лошади ни о чем не думают. Они слишком уставали за день, им было не до размышлений. Они жевали мокрую от росы траву и вдыхали, *раздув* ноздри, свежие и заманчивые запахи ночи. С берега Прорвы доносился *тонкий* запах отцветающего шиповника и листьев ивы. Из лугов за Новоселковским бродом тянуло ромашкой и *медуницей*, - ее запах был похож на сладкий запах пыли. Из лощин пахло укропом, из озер - глубокой водой, а из деревни *изредка* доносился запах только что испеченного черного хлеба. Тогда лошади *подымали* головы и радостно ржали.

(По К. Паустовскому)

39

Да! Вам непременно *предстоит* разочарование, ежели вы в первый раз въезжаете в Севастополь. [Напрасно вы *будете* *отыскивать* на одном лице следов суетливости, *растерянности* или даже энтузиазма, готовности *умереть* - *ничего* этого нет:] вы видите будничных людей, спокойно занятых будничным делом, так что, может быть, вы упрекнете себя в излишней восторженности, усомнитесь немного в справедливости понятия о героизме защитников Севастополя, которое составилось в вас по рассказам, описаниям и вида и звуков с Северной стороны. Но *прежде*, чем сомневаться, сходите на *бастions*, *посмотрите* защитников Севастополя на самом месте защиты или, лучше, зайдите прямо напротив в этот низенький домик, на крыльце которого стоят солдаты с носилками, - вы увидите там защитников Севастополя, увидите там ужасные и *грустные*, великие и завбавные, но изумительные, возвышающие душу *зрелища*.

Вы входите в большую залу Собрании. Только что вы отворили дверь, вид и запах сорока или пятидесяти ампутационных и самых тяжело раненных больных, *расположившихся* на койках, а большей частью на полу, вдруг поражает вас, вы невольно вздрагиваете и делаете несколько шагов *назад*.

(По Л.Н. Толстому)

40

Раннее весеннее утро - прохладное и росистое. В небе ни *облачка*. Только на *востоке*, там, откуда сейчас выплывает в огненном зареве солнце, еще толпятся, бледнея и тая с каждой минутой, сизые предрас-

светные тучки. Весь *бес*брежный степной простор кажется осыпанным тонкой золотой пылью. [В густой буйной траве там и сям дрожат, переливаясь и вспыхивая разноцветными огнями, брильянты крупной росы.] Степь весело нестрет цветами: ярко *желтеет* дрок, скромно синеют колокольчики, белеет целыми *зар*слями пахучая ромашка, дикая гвоздика горит пунц*овыми* пятнами. В утренней прохладе разлит горький, здоровый запах полыни, смешанный с нежным, похожим на *миндаль*, ароматом повилики. Все блещет и нежится и радостно тянется к солнцу. Только кое-где в глубоких и узких балках, между крутыми обрывами, поросшими редким кустарником, еще лежат, напоминая об ушедшей ночи, влажные *синеватые* тени. Высоко в воздухе, не видные глазу, уже трепещут и звенят жаворонки. Неугомонные кузнечики давно подняли свою торопливую, сухую трескотню. Степь проснулась и ожила, и кажется, будто она дышит глубокими, ровными и могучими вздохами.

(По А. Куприну)

41

В *галерее* идет кипучая суэта смены. [В квадратном отверстии, ведущем в глубь шахты, ходят на цепи, перекинутой высоко над крышей через блок, две железные платформы]. В то время, когда одна из них подымается, другая опускается на сотню сажен. Платформа точно чудом выскакивает из-под земли, нагруженная вагонетками с влажным, только что вырванным из недр земли углем. В один миг рабочие стаскивают вагонетки с платформы, ставят их на рельсы и бегом влекут их на шахтенный двор. Пустая платформа тотчас же наполняется людьми. В машинное отделение дается условный знак электрическим звонком, платформа содрогается и внезапно с страшным грохотом исчезает из глаз, проваливается под землю. Проходит минута, другая, в продолжение которых ничего не расслышишь, кроме пыхтенья машины и лязганья бегущей цепи, и другая платформа, - но уже не с углем, а битком набитая мокрыми, черными и дрожащими от холода людьми, вылетает из-под земли, точно выброшенная вверх какой-то таинственной, невидимой и страшной силой. И эта смена людей и угля продолжается быстро, точно, однообразно, как ход огромной машины.

(По А. Куприну)

Благодарности не было. А он всю *жизнь* таскал, хрипя и *надсаживаясь*, по пескам, по грязи, по липкой, *измешенной* глине, по косогорам, по "битым" дорогам и кривым проселкам *скрипучие*, плохо смазанные *телеги* с сеном, картошкой, яблоками и капустой. Иногда в песках он останавливался отдохнуть. Бока его тяжело ходили, от гривы *подымался* пар, но возницы со свистом *вытягивали* его ременным кнутом по дрожащим ногам и хрипло, с наигранной яростью кричали: "Но-о, идол, нет на тебя гибели!" И *старый* мерин, ринувшись, тащил телегу дальше.

Начало быстро светать. Звезды *бледнели*, как бы уходили от земли в глубину неба. [Неожиданно над *головой*, на огромной *высоте*, *загорелось* нежным розовым светом одинокое маленькое облачко, похожее на пух.] Там, в вышине, уже светило летнее солнце, а на земле еще стоял сумрак, и роса капала с громким *шорохом* с белых зонтичных цветов *разросшегося* дягиля в темную, *настоящуюся* за ночь воду.

Мерин опустил голову к самой земле, из его глаз выкатилась одинокая старческая слеза, и он уснул.

Утром, когда роса горела от солнца на травах так сильно, что весь воздух вокруг был полон *влажного* блеска, мерин проснулся и громко заржал.

(По К. Паустовскому)

Волчата *ничего* не поняли, но *замахали* хвостами. Тогда щенок ударил *лапой* одного волчонка по большой голове. Волчонок тоже ударил его лапой по голове. Щенок стал к нему боком и посмотрел на него *искоса*, помахивая хвостом, потом вдруг рванулся с места и *сделал* несколько кругов по насту. Волчата погнались за ним, он упал на спину и задрал вверх ноги, а они *втроем* напали на него и, визжа от *восторга*, стали кусать его, но не больно, а в шутку. Вороны сидели на высокой сосне и смотрели сверху на борьбу и очень *беспокоились*. Стало шумно и весело. Солнце припекало уже по-весеннему, и *пелухи*, то и дело перелетавшие через сосну, поваленную бурей, при *блеске* солнца казались изумрудными.

Обыкновенно волчихи приучают своих детей к охоте, давая им поиграть *добычей*; и теперь, глядя, как волчата, *разыгрались*, гоняли по насту за щенком и боролись с ним, волчиха думала: "Пускай приучаются".

[Наигравшись, волчата пошли в яму спать. Щенок повыл *немного* с голоду, потом тоже растянулся на солнышке.] А проснувшись, опять стали играть.

(По А. Чехову)

Озеро около берегов было **засыпано** ворохами желтых листьев. Их было так много, что мы не могли ловить рыбу. Лески **ложжились** на листья и не гонули.

Приходилось выезжать на **старом** челне на середину озера, где доцветали **кувшинки** и голубая вода казалась черной, как деготь. Там мы ловили разноцветных окуней, вытаскивали оловянную плотву и ершей с глазами, похожими на две маленькие луны. Щуки лязгали на нас мелкими, как иглы, зубами.

Стояла осень в **солнце** и туманах. Сквозь облетевшие леса были видны далекие облака и синий густой воздух.

По ночам в **зарослях** вокруг нас шевелились и дрожали низкие звезды.

У нас на **стоянке** горел костер. Мы жгли его весь день и всю ночь напролет, чтобы отгонять волков, - они тихо выли по дальним берегам озера. Их **беспокоил** дым **костра** и **веселые** человеческие крики.

Мы были уверены, что огонь пугает зверей, но однажды **вечером** в траве, у костра, начал сердито сопеть какой-то зверь. Его не было видно. Он **озабоченно** бегал вокруг нас, шумел высокой травой, фыркал и сердился, но не высовывал из травы даже ушей. [Картошка жарилась на сковородке, **от нее** шел острый, вкусный запах, и зверь, очевидно, **прибежал** на этот запах.]

(По К. Паустовскому)

Ванька перевел глаза на темное окно, в котором мелькало отражение его свечки, и живо вообразил **себе** своего деда Константина Макарыча, **служащего** ночным сторожем у господ Живарёвых. Это маленький, тощенький, но необыкновенно юркий, подвижный старикашка, лет **шестидесяти** пяти, с вечно смеющимся **лицом** и **пьяными** глазами. Днем он спит в людской или **балагурит** с кухарками, ночью же, окутанный в просторный тулуп, **ходит** вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку. За ним, опустив головы, шагают старая Каштанка и кобелек Вьюн, прозванный так за свой **черный** цвет и тело, длинное, как у ласки. Этот Вьюн необыкновенно почтителен и ласков, одинаково умильно смотрит как на своих, так и на чужих, но кредитом не пользуется. Под его **почтительностью** и смирением скрывается самое иезуитское ехидство. Никто лучше его не умеет вовремя подкрасться и цапнуть за ногу, забраться в ледник или украсть у мужика курицу. Ему уже не раз **отбивали** задние ноги, **разбивали** голову, два раза его вешали, каждую неделю пороли до полусмерти, но он всегда оживал.

[Теперь, наверное, дед стоит у ворот, щурит глаза на **ярко-красные** окна деревенской церкви и, притоптывая валенками, балагурит с дворней.]

(По А.П. Чехову)

... На улице все еще было светло. Кое-какие мелочные лавчонки, эти *бес*-*с*менные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были *заперты*, показывали, однако ж, длинную струю света во всю дверную щель, означавшую, что они не *лишены* еще общества. Акакий Акакиевич шел в веселом *расположении* духа, даже побежал было вдруг, неизвестно почему, за какую-то *дамою*, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена *необыкновенного* движения. Но, однако ж, он тут же остановился и пошел опять по-прежнему очень тихо, подивясь даже сам неизвестно откуда *взявшейся* рыси. Скоро потянулись перед ним те пустынные улицы, которые даже и днем не так веселы, а тем *более* вечером. Теперь они *сделались* еще глуше и уединеннее: фонари стали мелькать *реже* - масла, как видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; *нигде* ни души; сверкал только один *чистый* снег по улицам, да *печально чернели* с закрытыми ставнями заснувшие *низенькие* лачужки. Он приблизился к тому месту, где *перерезывалась* улица бесконечною *площадью* с едва видимыми на другой стороне домами, которая глядела страшною пустынею. [Вдали, бог знает где, мелькал огонек в какой-то будке, которая казалась стоявшею на краю света.]

(По Н.В. Гоголю)

Когда мало-помалу все это затихло, волчиха *успокоилась* немного и стала замечать, что ее добыча, которую она держала в зубах и волокла по снегу, была тяжелее и как будто тверже, чем обыкновенно бывают в эту пору ягнята; и пахло как будто иначе, и раздавались какие-то странные звуки. [Волчиха остановилась и положила свою ношу на снег, чтобы отдохнуть и *начать* есть, и вдруг *отскочила* с отвращением.] Это был не ягненок, а щенок, *черный*, с *большой* головой и на *высоких* ногах, крупной породы, с таким же белым пятном во весь лоб, как у Арапки. Судя по манерам, это был *невежа*, простой дворняжка. Он облизал свою помятую, раненую спину и как ни в чем не бывало замахал хвостом и *заладил* на волчицу. Она зарычала, как собака, и побежала от него. Он за ней. Она *оглянулась* и *щелкнула* зубами; он остановился в недоумении и, вероятно решив, что она *играет* с ним, протянул морду по направлению к зимовью и залился звонким, *радостным* лаем, как бы приглашая свою мать Арапку поиграть с ним и с волчихой.

Уже светало, и когда волчиха *пробиралась* к себе густым осинником, то было видно отчетливо каждую осинку, и уже просыпались тетерева и часто *вспархивали* красивые петухи, обеспокоенные неосторожными прыжками и *лаем* щенка.

(По А.П. Чехову)

Взбираясь по лестнице, ведущей к Петровичу, которая, надобно *отдать* справедливость, была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, *который ест* глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех черных лестницах петербургских домов, - взбираясь по лестнице, Акакий Акакиевич уже подумывал о том, сколько запросит Петрович, и мысленно *положил* не давать *больше* двух рублей. [Дверь была *раскрыта*, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму в кухне, что нельзя было *видеть* даже и самых тараканов.] Акакий Акакиевич прошел через кухню, не замеченный даже самого хозяйкою, и вступил наконец в комнату, где увидел Петровича, сидевшего на *широком* *деревянном* некрашеном столе и подвернувшего под себя ноги свои, как турецкий паша. Ноги, по обычаю портных, сидящих за работой, были нагишом. И прежде всего бросился в глаза большой палец, очень *известный* Акакию Акакиевичу, с каким-то изуродованным ногтем, толстым и крепким, как у *черепахи* череп. На шее у Петровича висел моток шелку и ниток, а на коленях была какая-то ветошь. Он уже минуты с три *продевал* нитку в иглиное ухо, не попадал и потому очень сердился на *темноту* и даже на самую нитку, ворча вполголоса: "Не *лезет*, варварка; уела ты меня, шельма этакая!"

(По Н.В. Гоголю)

Жизнь *проходила* перед ним своею мирной *долготою*; дети товарного кондуктора *выросли* и стали воровать крыжовник с кустов, деревянная кузница заиндевела от ветхости мелким древесным мхом, старый клен в саду уже *несколько* лет держал свои нижние ветви без листьев, сухими от старчества, - наверно, он *радился* в то давнее время, когда здесь было чистое поле, и *прожил* век сиротою, в далекой стороне от могучих отцовских лесов.

[В летние ночи Яков Саввич любил *обходить* двор и сад по загаженному краю, по темной крапиве и глядеть, как спит его добро, и никуда не двигаться.] На небе звезды хотя и шли куда-то, но *медленно*, а на другую ночь опять были на своих местах. Затем Яков Саввич спал и видел сновидения старости, что он *молод* и мил *лицом*, кругом растет бушующий от ветра *крепкий* бурьян, и голос давно погибшей, грустной *матери* звучит в воздухе над ним, и он смеется. В кузнице *пахнет* сажей и железом, за деревянной стеной тьма и редкий пугающий шелест *травяных* стеблей, а старик спит на топчане, открыв рот в слабости своего счастья - видеть во сне умершую мать, *минувшую* природу и свою забытую душу.

(По А. Платонову)

Я перестал работать, читать - я даже перестал гулять по окрестностям, *ездить* верхом. Как привязанный за ножку жук, я кружился постоянно вокруг любимого флигелька, *разыскивая* Зинаиду. [Я готов был остаться там навсегда... но это было невозможно, матушка ворчала на меня, иногда сама Зинаида меня прогоняла.] Тогда я *запирался* у себя в комнате или уходил на самый конец сада, взбирался на *уцелевшую* развалюху высокой каменной оранжереи и, свесив ноги со стены, выходявшей на дорогу, сидел по *часам* и глядел, *глядя* дел, ничего не видя. Возле меня, по запыленной крапиве, лениво перепархивали белые бабочки; бойкий *воробей* садился *недалеко* на полусломанном *красном* кирпиче и раздражительно чирикал, *беспрестанно* поворачиваясь всем телом и распутив хвостик; все еще недоверчивые вороны изредка *каркали*, сидя высоко на обнаженной макушке березы; *солнце* и ветер тихо играли в ее жидких ветках; звон колоколов Донского монастыря прилетал по временам, *спокойный* и унылый - а я сидел, слушал и наполнялся весь каким-то безмянным ощущением, в котором было все: и грусть, и радость, и предчувствие *будущего*, и желание, и страх *жизни*. Но я тогда *ничего* этого не понимал и ничего бы не сумел назвать изо всего того, что во мне бродило, - или бы назвал это все одним именем - именем Зинаиды.

(По И.С. Тургеневу)

Ожидая паром, они оба легли в тень от *берегового* обрыва и долго молча смотрели на быстрые и мутные волны Кубани у их ног. Ленька задремал, а дед Архип, чувствуя тупую, давящую боль в груди, не мог уснуть. На темно-коричневом *фоне* земли их *растрепанные* и *скорченные* фигуры едва выделялись двумя жалкими комками, один побольше, другой - поменьше; утомленные, *загорелые* и пыльные физиономии были совсем под *цвет* бурым лохмотьям.

Костлявая и *длинная* фигура дедушки Архипа вытянулась поперек узкой полоски песка - он желтой лентой растянулся вдоль берега, между обрывом и рекой; задремавший Ленька лежал *калачиком* *сбоку* деда. Ленька был маленький, *хрущкий*, в лохмотьях он казался корявым сучком, отломленным от деда - *старого* иссохшего дерева, принесенного и выброшенного сюда, на песок, волнами реки.

Дед, *приподняв* на локте голову, смотрел на противоположный берег, из кустов высовывался черный борт парома. Тусклые и [воспаленные глаза старика, с *красными*, *опухшими* веками, беспокойно моргали, а *испещрён-*

ное морщинами лицо замерло в выражении томительной тоски.] Он то и дело сдержанно кашлял и, поглядывая на внука, прикрывал рот рукой. Кашель был хрипл, удушлив, заставлял деда приподниматься с земли и выжимал на его глазах крупные капли слез. Кроме его кашля да тихого шороха волн о песок, в степи не было никаких звуков...

(По А.М. Горькому)

52

Слепая елань, куда повела Митрашу стрелка компаса, было место погубительное, и тут на веках немало затянуло в болото людей и еще больше скота. И уж, конечно, кто идет в Блудово болото, надо хорошо знать, что это такое - Слепая елань. Мы это так понимаем, что все Блудово болото, со всеми своими запасами горючего, торфа есть кладовая солнца. Да, вот именно так и есть, что горячее солнце было матерью каждой травинки, каждого цветочка, каждого болотного кустика и ягодки. Всем им солнце отдавало свое тепло, и они, умирая, разлагаясь, в удобрении передавали его как наследство другим растениям, кустикам, ягодкам, цветам и травинкам. Но в болотах вода не дает родителям-растениям передать все свое добро детям. Тысячи лет это добро под водой хранится, болото становится кладовой солнца, и потом вся эта кладовая достается человеку как редкий дар солнца.

В Блудовом болоте можно разыскать огромные запасы горючего, но слой торфа не везде одинаковой толщины. Там, где сидели дети, у Лежачего камня, растения слой за слоем ложились друг на друга тысячи лет. Тут был старейший пласт торфа, но дальше, чем ближе пробираешься к Слепой елани, слой становится все моложе и тоньше.

Мало-помалу, [по мере того как Митраша продвигался вперед по указанию стрелки, тропы и кочки под его ногами становились не просто мягкими, как раньше, а полужидкими.]

(По М.М. Пришвину)

53

Левый флажок отсигналил приказ стать к обочине. Шофер повиновался; волнуясь и рискуя сжечь сцепление, он стал делать это на больших оборотах и с пробуксовкой. [Вдруг резким броском - скорее хитрости, чем даже радиатора - он спихнул двух в жидкую черноту позади, где, верно, уже лежала на дне та давешняя,] воронежская, с ямочками на щеках. На

мгновенье *колесо* повисло над бездной; в последующее, вывернувшись и выжав газ до конца, он с ходу пустил *машину* на опущенный шлагбаум... Никто не помнил впоследствии, гаркнул ли он при этом "ложись" или сама передалась им спасительная догадка. Последовал треск, будто с маху полоснули дубиной по фанере; звонкий холод пополам со стеклом обрушился на спины пассажиров. Их выручила накатанная в этом месте дорога... Когда шофер разогнулся на сиденье, машина вскачь неслась по краю глубокой балки, и *впечатленице* было посильнее, чем самая встреча с передовым немецким патрулем. Полкилометра все молчали, слушая *разрастающийся* дребезг позади. Они так и не дождались автоматных очередей вдогонку; это служило добрым признаком, что немецкое купанье еще не закончилось.

- Эх, теперь совсем простудитесь без шапки, - *сокрушенно прокричал* шофер. - Стекло в грязи, ничего не видно. Зато теперь поспособней будет, круговой обзор! - *подытожил* он, помахивая *испачканной* рукавичкой впереди себя.

(По Л.Леонову)

54

Волки погибли, но [Серый за одно лето порезал *коров* и овец не меньше, чем резала их раньше целая стая. Из-за *кустика* можжевельника он *дожидался*, когда *отлучатся* или уснут пастухи.] И, *определив* нужный момент, *пробирался* в стадо и подряд резал овец и портил коров. После того, *взвалив* себе одну на спину, мчался в недоступное логовище на *Сухой* речке. Зимой, когда стада в поле не выходили, ему очень редко приходилось ворваться в какой-нибудь скотный двор. Зимой он ловил больше собак в деревнях и питался почти только собаками. И до того обнаглел, что однажды, преследуя собаку, *бегущую* за санями хозяина, загнал ее в сани и вырвал прямо из рук хозяина.

Серый помещик сделался грозой края, и опять крестьяне *приехали* за нашей волчьей командой. Пять раз мы пытались его *разыскать*, но все напрасно. Волка *нигде* не было. И вот теперь, ранней весной, пережив суровую зиму в страшном холоде и голоде, Серый в своем логове дожидался с нетерпением, когда же *наконец* придет настоящая весна и затрубит *деревенский* пастух.

В то утро, когда дети между собой поссорились и пошли по разным тропам, Серый лежал голодный и злой. Когда ветер замутил утро и завывли деревья возле *Лежачего* камня, он не выдержал и *вылез* из своего логова.

(По М.М. Пришвину)

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К КОНТРОЛЬНОЙ РАБОТЕ

Задание 1

Фонетическая транскрипция - специальный способ записи речи в полном соответствии с ее звучанием. В фонетической транскрипции отражаются все действующие в языке фонетические законы (указывается редукция гласных, аккомодация, ассимиляция, диссимиляция и т.д.).

При выполнении задания вам поможет памятка по транскрибированию и перечень знаков русской транскрипции, а также таблицы (изменение гласных звуков в речевом потоке, смягчение согласных звуков перед мягкими согласными и др.). Эти материалы приведены в учебных пособиях: Бордунова Л.И. Фонетический минимум в самостоятельном изучении лингвистических дисциплин. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. С.107 – 109; Африкантова Л.К. Практикум по фонетике современного русского языка. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С.74-82.

Примечание. В целях соблюдения единых норм транскрипции рекомендуется при обозначении отдельных фонем пользоваться следующими знаками:

- для обозначения гласного звука [Э] – знаком [E]: [с' н' эк], [д' эл ь];
- для обозначения гласных [Э], [А], [О] в первом предударном слоге после мягких согласных – знаком [E^h]: [с' т' ер' э т'], [п' е т' а к];
- для обозначения гласного [Э] (и иногда - [А]) после твердых шипящих и Ц в первом предударном слоге – знаком [E^m]: [ш е^m с т бй], [ц е^m н а], [л ь ш е^m л' э й];
- гласный звук [А] в первом предударном слоге после твердых согласных и в абсолютном начале слова обозначается знаком [A]: [г ь в ар' у], [ж ар а], [а б а ж у р];
- согласный звук [j] в позиции перед гласными обозначается знаком [j]: [j ол к ь], [п а j у]; перед согласными и на конце слова – знаком [Й]: [с т о й к ь], [с л о й];
- для обозначения согласного [Щ] используется знак [Ш' Ш']: [ч' а ш'ш' ь], [ш'ш' ас' т' j ь];
- долгота согласного звука обозначается двумя одинаковыми значками: [в ашш ь], [к а сс ь], [а оо ат'].

Образец фонетической транскрипции

С берега наплывали терпкие запахи, сливаясь с чуть осязаемым шелковистым веянием роз. Запахи то сплелись в тугую клубок, сжимая воздух до густоты сиропа, то расплелись на отдельные волокна, и тогда я улавливал дыхание азалий, лавров, эвкалиптов, олеандров, глициний и еще множества удивительных по своему строению цветов.

(К.Паустовский)

[з'б'эр'ыгь нпльывал'и т'ёрпк'иь за́пх'и / с'л'ива́йс' / ш'ч'ут' аш'ш'ут'ймым / шъякв'йстым в'эьн'иьм рос // за́пх'и то спл'е"тал'ис' ф'тугой клубок / жжыма́ь воздух / дь густаты с'иропь / то рьспл'е"тал'ис' на ад'д'ёл'ныь валокнь / и тагда ја улавл'ивьл' дыхан'иь азал'ии / лаврьф / е"фкал'иптьф / ал"андрьф / гл'ицын'ий / и је"ш'ш'о мно́жество уд'ив'ит'ьл'ных / пь свье"му стра́ен'иу и краскьм цв"е"тоф // пьюсто́фск'ий //]

Зада н и е 2

Фонетический разбор – анализ состава звуков в данном слове, их соотношения с буквами.

Схема фонетического анализа

1. Орфографическая запись слова; фонетическая запись, или фонетическая транскрипция слова.

2. Деление слова на слоги, их характеристика (открытые, закрытые). Выделение ударного слога.

3. Полная акустико-артикуляционная характеристика звука.

При характеристике г л а с н ы х звуков принимаются во внимание следующие их артикуляционные признаки:

а) степень (широта) раскрытия рта (движение языка по вертикали) – **подъем**: гласные верхнего подъема (узкие), гласные среднего подъема (средние), гласные нижнего подъема (широкие);

б) место подъема спинки языка (движение языка по горизонтали) – **ряд**: гласные переднего ряда, гласные среднего ряда, гласные заднего ряда;

в) **положение губ**: лабиализованные (огубленные) – нелабиализованные гласные.

Характеристика с о г л а с н ы х звуков производится в следующем порядке:

а) **акустическая характеристика** - участие голоса и шума: сонорные согласные; шумные звонкие, шумные глухие (парные – непарные по звонкости – глухости);

б) **место образования преграды** в полости рта: губные - губно-губные (билабиальные) или губно-зубные (лабио-дентальные); язычные - переднеязычные зубные; переднеязычные переднеязычные; среднеязычные; заднеязычные;

в) **способ образования преграды** в полости рта: смычные (взрывные), щелевые (фрикативные), смычно-щелевые (аффрикаты), смычно-проходные, дрожащие (вibrанты);

г) **положение небной занавески**: чистые или носовые;

д) **дополнительная артикуляция** – дополнительное приподнятие передней части спинки языка к твердому небу: мягкие – твердые (парные – непарные по твердости – мягкости).

1. Количество букв и количество звуков в слове.

Образец фонетического анализа

Полесье – [пал'эс'зь] - [па – л'э – с'зь]

п - [п] – согл.; шумн., глух. парн.; губн., губно-губн. (билабиальн.); смычн. (взрывн.); чист.; тверд. парн.

о - [а] – гласн.; нижн.п.; средн.р.; нелабиализ.; безударн.

л - [л'] – согл.; сонорн.; язычн., переднеяз., зубн.; смычно-проходн.; чист., боковой (латеральный); мягк. парн.

е - [е] – гласн.; средн.п.; передн.р.; нелабиализ.; ударн.

с - [с'] – согл.; шумн., глух. парн.; язычн., переднеяз., зубн.; щелевой (фрикативн.); чист.; мягк. парн.

ь } [j] – согл.; сонорн.; язычн., среднеяз., среднеязычн.; щелевой (фрикативн.); чист.; мягк. непарн.

е } [ь] – гласн. редуц.; верхне-средн.п.; передн.р.; нелабиализ.

7 б. 7 зв.

При фонетическом разборе слова следует пользоваться учебниками и учебными пособиями. См., например:

Буланин Л.Л. Фонетика современного русского языка. М.: Высш. школа, 1970. Гл. 3.

Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык: Фонетика и морфология. Вып. 1. Самара, 1995. С. 20-33.

Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М.: Просвещение, 1976. Гл. 2, 3, 4.

Африкантова Л.К. Практикум по фонетике современного русского языка. Самара, 2000. С. 35-37, 77, 80.

Задание 3

Интегральные признаки - общие (неразличительные) признаки ряда фонем; *дифференциальные признаки* - признаки, по которым данные фонемы противопоставляются друг другу.

Для того, чтобы указать интегральные и дифференциальные признаки представленной пары фонем, необходимо предварительно провести (в "свернутом" виде) фонетический анализ каждой фонемы (схему анализа см. в указаниях к заданию 2), а затем выделить их общие и отличительные черты. При этом необходимо указывать в с е (а не какой-то один) интегральные и дифференциальные признаки фонем.

Образец выполнения задания

Интегральные признаки	Дифференциальные признаки	
	[и]	[е]
а) гласные	верхнего	среднего
б) переднего ряда	подъема	подъема
в) нелабиализованные		
	[з']	[ц]
а) согласные		
б) шумные	звонкий	глухой
в) язычные, переднеяз., зубные	щелевой (фрикативный)	смычно-щелевой (аффриката)
г) чистые	мягкий, парн.	твердый, непарн.

Задание 4

Перед выполнением задания необходимо изучить вопросы орфоэпии по соответствующей учебной литературе. См., например:

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 5-е изд. М.: Просвещение, 1973 (или 6-е изд. М.: Просвещение, 1984).

Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия. Л., 1976.

Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык: Выпуск 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Состав слова и словообразование. Самара, 1995. С. 106-124.

За справками следует обращаться к словарям:

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под редакцией Р.И.Аванесова. М.: Рус. яз., 1985 и послед. изд.

Русское литературное произношение и ударение: Словарь-справочник / Под редакцией Р.И.Аванесова и С.И.Ожегова. М., 1959.

Образец выполнения задания

Темный, робкий сад стряхивает с ветвей ночную росу. Чуть светлеет, но еще кружатся над террасой летучие мыши. Кукушка проснулась и смолкла. (По М.Пришвину)

Соответств. правилам

стар. моск. произношения:

[т'омнѣй] - м.р., ед.ч., Им.п.

[ропкѣй] - м.р., ед.ч., Им.п.

[стр'ахъвьѣт]

[в'ит'в'ей]

[с'в'ит'л'ейт]

[ѣш'ш'о]

[кѣжущѣ] - н.вр., 3 л., мн. ч.

[т'ирасѣй]

[л'итуч'иц] - мн.ч.

[праснѣльс]

Не соответств. стар. Моск.

орфоэпическим нормам:

[т'омнѣй]

[ропкѣй]

[стр'ах'ивѣйт]

[в'е'т'в'ей]

[св'е'тл'ейт]

[ѣш'ш'о]

[кѣжущѣ]

[т'е'расѣй]

[л'е'туч'иц]

[праснѣльс']

Задание 5

Выписывая слова с разными способами обозначения мягкости согласных и звука "йот", указывайте отдельно для каждого случая, как в слове обозначена мягкость согласного - 1) Ъ; 2) И, Е, Ё, Ю, Я - и как обозначен звук "йот" - 1) Й; 2) Я, Ю, Е, Ё, И; 3) ЪЯ, ЪЯ, ЪЮ, ЪЮ, ЪЕ, ЪЕ, ЪЁ, ЪЁ, ЪИ. Отметьте условия обозначения звука "йот" (в начале слова, после гласного звука и т.д.).

Образец выполнения задания

В ночной тьме, куда глядел мой дорогой Селье, было только одно – явленная миру улыбка, прекраснейшая из улыбок, которая когда-нибудь играла на лице Юлии, выдавливая две легкие ямки и озаряя влажные губы. Красота уходит, красоте не успеваешь объяснить, как ее любишь, красоту нельзя удержать, и в этом единственная печаль мира. Не удержать этой скользкой, тающей красоты никакими молитвами, никакими заклинаниями, как нельзя удержать бледнеющую радугу или падающую звезду. (По В.Набокову).

1. Слова с различными способами обозначения мягкости согласных:

тьме – ъ, е

только – ъ

нельзя – е, ъ, я

удержать – е, ъ

когда-нибуль- и, ь
лёгкие- ё, и
любись- ю, и

печаль – е, ь
скользящей – ь, я
заклинаньями – и, и

II. Слова с различными способами обозначения звука "йот":

ночной – й (в конце слова)

мой – й (в конце слова)

Селье – ье [je] (после согласного звука)

явленная – я [ja] (в начале слова), я [jъ] (после гласного звука)

прекраснейшая – й (перед согласным звуком), я [jъ] (после гласного звука)

Юлии – ю [ju] (в начале слова)

ямки – я [ja] (в начале слова)

объяснить – ья [je"] (после согласного звука)

её – е [je"] (в начале слова), ё [jo] (после гласного звука)

единственная – е [je"] (в начале слова), я [jъ] (после гласного звука)

заклинаньями – ья [jъ] (после согласного звука)

бледнеющую – ю [ju] (после гласного звука), ю [ju] (после гласного звука)

Задание 6

Выделив в тексте *все* случаи отступления от слогового принципа русской графики, распределите их по двум рубрикам:

1. *Отступления при обозначении твердости – мягкости согласных звуков:* чувствуешь, зажигочный, цена, антенна [тэ] и т.д. (в том числе и в случаях обязательного ассимилятивного смягчения согласных типа [бан'т'ик], [з'д'эльт', [аб ач'ч'из'н'ь]).

2. *Отступления при обозначении звука "йот":* район, йод, бульон, детясли и под.

Написания, в которых допускаются отступления от слогового принципа, выделяйте графически – подчеркиванием. Например, в случае отступления от слогового принципа при обозначении мягкости – твердости согласных, букву, обозначающую согласный звук, подчеркивайте одной чертой, следующую за ним гласную букву или Ъ – двумя чертами: час, идешь, живой, шука и т.д.

При употреблении смягчающей буквы Е в словах иноязычного происхождения, у которых в современном литературном языке наблюдается расхождение между написанием и произношением, следует привести орфоэпические пометы, указывающие на твердое произношение согласного перед гласной буквой Е. Например: кафе [фэ], бутерброд [тэ] и т.п.

В случае ассимилятивного смягчения рядом с орфографической записью слова следует приводить его фонетическую запись и двумя чертами подчеркивать согласные. Например: степь – [с'т'эп'], зонтик – [зoн'т'ик] и под.

В отступлениях, касающихся обозначения звука "йот", двумя чертами подчеркивается написания типа ЙО, ЙЕ, ЬО; наверху в скобках указывается буква, которая должна была бы употребляться согласно слоговому принципу русской графики. Например:

[ë] [e] [ë] [ью]
майор, фейерверк, меедальон, а также глаюрист

Задание 7

Порядок выполнения задания

1. Выпишите из текста слово с выделенной морфемой.

2. Определите, каким принципом русской орфографии регулируется написание подчеркнутой буквы (используйте условные обозначения: м.п. – морфологический принцип; ф.п. – нарушения единства написания морфемы под воздействием фонетического принципа; т.п. – традиционные написания).

3. Приведите доказательства в пользу того или иного принципа.

Приводя доказательства в пользу *морфологического принципа* (который заключается в единообразном написании одной и той же морфемы), следует подобрать слово, содержащее ту же м о р ф е м у (ту же приставку, тот же корень, суффикс, то же окончание), но с написанием буквы, передающей звук в *сильной позиции* (соответственно, нужно вспомнить условия сильных и слабых позиций для гласных и согласных фонем).

Например:

Подтолкнуть – м.п. Ср.: подыграть, поднять, подвязать (согласный приставки Д находится в сильной позиции - перед гласным Ы, перед сонорным Н и шумным В).

Подтолкнуть – м.п. Ср: поднятый, подкуп (гласный приставки О находится в сильной позиции – под ударением).

Сказка – м.п. Ср. сказочник (согласный корня З находится в сильной позиции - перед гласным).

Пятак – м.п. Ср.: пять (гласный корня находится в сильной позиции – под ударением).

Липовый – м.п. Ср.: дубовый (гласный в суффиксе находится в сильной позиции – под ударением).

Для доказательства воздействия *фонетического принципа* следует показать вариативность морфем, возникающую в результате отражения на письме фонетических чередований.

Например:

Раздать – ф.п. Ср.: **рас**писать (отражение позиционного чередования согласных З-С в приставке).

Раздать – ф.п. Ср.: **ро**зданный, **ро**спись (отражение позиционного чередования гласных О-А в приставке).

Разыграть – ф.п. Ср.: **иг**рать – (отражение аккомодации в написании начальных гласных корня И-Ы после приставок на согласный).

Старый – ф.п. Ср.: **молод**ой (отражение позиционного чередования гласных О-Ы в окончании прилаг. Им. п. ед. ч. м.р.).

Мячом – ф.п. Ср.: **пла**чем (отражение чередования гласных О-Е в окончании существительного *после шипящей*).

Для доказательства *традиционного принципа* (традиционных написаний) необходимо указать основания для отнесения данных написаний к традиционным (историческим, этимологическим, иррациональным).

Например:

Собака – т.п., так как безударная гласная О в корне не проверяется ударением (невозможно поставить ее в сильную позицию).

Ковш – т.п., так как шумный согласный В в корне не поддается проверке.

Жизнь – т.п. – написание И после Ж отражает прежнюю мягкость шипящего.

Красного – т.п. – написание Г в окончании ОГО отражает старую норму произношения; современная норма – [краснѣвь].

Берёт – т.п. Ср.: **заб**ирает – отражение традиционного (исторического) чередования Е-И в корне.

Берёт – т.п., так как шумный согласный Т в окончании глагола 3 л. ед.ч. нельзя поставить в сильную позицию.

Задание 8

Выписывая из текста примеры написаний на каждый принцип русской орфографии, приводите (по образцу предыдущего задания) соответствующие доказательства и объяснения. При этом требуется, чтобы приведенные примеры были разнообразными (т.е. отражали различные случаи проявления морфологического, фонетического и традиционного принципов в разных морфемах) и не повторяли написаний, подчеркнутых для выполнения 7-го задания.

Рекомендуемая литература (к 6, 7, 8 заданиям):

Иванова В.Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. М., 1976 (и др. издания).

Иванова В.Ф. Современная русская орфография. М., 1991.

Скобликова Е.С. Русская графика: Курс лекций. Куйбышев, 1978.

Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык: Вып. I. Самара, 1995 (раздел «Алфавит и графика»).

Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой. М., 1998 (глава 7 «Теория письма. Графика»).

Современный русский язык / Под ред. Л.А.Новикова. СПб, 2001.

Задание 9

Порядок выполнения задания

1. Выпишите из текста указанное предложение (заключенное в квадратные скобки).

2. Отдельно запишите каждое фонетическое слово (знаменательное слово с примыкающими к нему служебными словами) и, используя условные обозначения (1, 2 и т.д.), над каждой буквой укажите тип написания (1 - опорное; 2 - фонетическое проверяемое; 3 - нефонетическое проверяемое; 4 - фонетическое непроверяемое; 5 - нефонетическое непроверяемое).

3. Для проверяемых написаний приведите соответствующие доказательства.

Для того чтобы доказать, что отдельное написание является проверяемым (косвенно проверяется произношением), нужно найти для него *опорную* форму (сильную позицию для каждой фонемы).

При этом для доказательства проверяемости отдельных букв в *корнях* (безударных гласных, шумных согласных) требуется подобрать соответствующие однокоренные слова. Например:

²трава – ¹травы; ²тройка – ¹тропа; ³тянул – ¹тянет; ³сруб – ¹срубить и под.

Для доказательства проверяемости написаний в других морфемах - приставках, суффиксах, окончаниях - подбираются слова, в которых соответствующие морфемы находятся в сильной позиции (пользуйтесь для этого приемом доказательства, указанным в рекомендациях к заданию 7). Например: *стѐнка* – *доскѧ*; *спѣлись* – *неслѣсь*; *показѧл* – *пѧступь*; *зашѣл* – *зѧмкнутый*; *вѣрно* – *светлѧ*; *мѧющий* – *поѧщий* и т.д.

Образец выполнения задания

Вкрадчиво, осторожно, с пленительным лукавством вздыхают первые звуки штраусовского вальса. (По А.Куприну).

3 1 1 1 3 1 2 1 3

В к р а д ч и в о – влюбчиво, вкрадётся, бранчиво, светло

5 4 1 5 1 1 1 1 3

о с т о р о ж н о – смешно

2 1 1 3 1 1 5 1 1 2 1

с п л е н и т е л ь н ы м – с одним, плён, с большым

1 1 1 1 3 4 1 1 3 1

л у к а в с т в о м – лукавый, хвастовством

2 4 1 1 1 1 2 4

в з д ы х а ю т – воздыхатель, поют

1 1 1 1 2 5

п е р в ы е – вторые

1 1 1 1 2

з в у к и – потолоки

4 1 1 1 1 1 3 5 4 1 3 5 3

ш т р а у с о в с к о г о – толстовского, городского, самого

1 1 1 1 1 3

в а л ь с а – куста

О выделении различных типов написаний с точки зрения их отношения к произношению см.: А.Н.Гвоздев. Основы русской орфографии. 4-е изд. М.: Учпедгиз, 1954 (или в кн.: А.Н.Гвоздев. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963. С. 43-58); Иванова В.Ф. Современная русская орфография. М., 1991. Гл. 4.

СОДЕРЖАНИЕ

Задания.....	3
Варианты контрольной работы.....	4
Методические указания и рекомендации к контрольной работе.....	36

Африкантова Людмила Константиновна
Терентьева Людмила Викторовна

КОНТРОЛЬНАЯ РАБОТА №1
ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
(фонетика, орфоэпия, графика, орфография)
Издание второе, исправленное и дополненное

Редактор Е.А.Краснова
Компьютерная верстка, макет Н.П.Барина

Лицензия ИД № 06178 от 01.11.01. Подписано в печать 09.09.02.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,8;
уч.-изд. л. 3,0. Гарнитура "Times New Roman". Тираж 200 экз. Заказ №878
Издательство "Самарский университет". 443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
УОП СамГУ, ПЛД № 67-43 от 19.02.98.